



Ольга НАУМКИНА

9 октября. Учитель моей дочери.

— Мама, не стало нашего преподавателя истории, она такая крутая, такая...

— Дочь, я ее помню. Очень горько, до слез.

— Ма, ты поплачь.

И запомни: я запретила тебе умирать.

Давайте выживем в этой битве.

И встретимся в 6 часов вечера после войны.

Светлая память прекрасному учителю Тамаре Васильевне Дроновой.

21 октября.

Я тебя очень люблю.

— Береги себя.

— Как ты?

За почти месяц болезни я сказала близким и дорогим людям, что люблю их, больше чем за всю жизнь. Кому-то просто впервые. Близкие ведь на то и близкие — они будут всегда, поэтому успеется. Да зачем говорить, ведь и так все понятно.

Мне повезло. Ковид отступает, мне лучше. Всего пару ночей я думала: «Это всё»... и сказала дочери, где дома найти документы. Так, на всякий случай...

В общем, возможно, урок, который мне хотела преподать Судьба, усвоен.

Может быть, многое еще только предстоит понять.

Берегите себя, пожалуйста.

2 ноября

Пока я тут болезнь болею, старшая дочь статьи в глянец пишет. Прямо разворотами фигачит.

Наши дети будут лучше, чем мы.

А я что? Радуюсь. Мне кажется, что и дышать сразу становится легче от таких новостей и сатурация в норме.)))

Дети — кислород моей жизни.

9 ноября

На свободу с чистой совестью.

Сегодня закрыла больничный.

1,5 месяца самоизоляции это даже для меня, интроверта, очень много.

Чувствую себя, как человек, которому нужно заново научиться ходить, общаться, завязывать шарф и вставать на каблучки...

Я, конечно, люблю одиночество, но в более приемлемых дозах.

Здравствуй, новый, незнакомый мне мир.

Узнаем ли мы друг друга...

12 ноября

Что меня спасло?

Это не про схему лечения кв, не про препараты, которые помогли.

А про чудо.

Маленькое личное чудо, которое теперь будет длиться дальше, вплетаясь в каждый мой день. Становясь кровью бытия, его струнами и оберегом. Невидимым, но очень реальным.

Когда я так же, как и многие, попала под каток, то мой мир выстоял. Все, что было мной прожито, какие люди долгие годы шли со мной рядом — они те самые. Настоящие. Мои. Значит, не стыднута жизнь я жила, а сердце выбирало родных по духу людей.

Когда скорая не приезжала несколько дней, то дорогой мне человек из Калининграда готов был поднять своих коллег здесь, в Барнауле, чтобы мне помогли.

И обо мне там молились все эти полтора месяца, молятся и сейчас. На самом деле мы не всегда знаем, что стало решающим в этой игре на выживание. Может, именно эта молитва. Горячее искреннее желание меня спасти. (Ты прочтешь это, я знаю. Люблю. Благодарю тебя. И горжусь знакомством с тобой!)

Сестра. Меня спасла сестра. Именно она меня видела в самый пик болезни. То, как я выглядела в тот

момент... В общем, не знаю, как называется самая малая частица времени. Вот именно за эту микрочастицу я приняла решение, что не хочу видеть в глазах сестры такой страх за меня. Хочу видеть счастье.

Знаете, есть фразы, которые начинаются с посыла: «готов умереть за»... Здесь было наоборот, я была готова выстоять жуткие ночи без сна, почти без дыхания ради спокойного взгляда своей сестры.

Продукты, лекарства, что-то особенное, что обязательно меня поддержит, — это все она.

Самое ценное, что есть у каждого человека, — это время. Так вот друзья вложили столько своего времени, чтобы принести для меня и оставить у двери пакеты с фруктами, медом с горной пасеки... Порадовать меня капучино из любимой кофейни. И не смотря на то, что у меня напрочь отшибло обоняние, для меня все равно в пакете с продуктами были цветы.

Кашель, ряды лекарств, чувство неизвестности, когда это закончится, и... цветы.

Что еще стало спасительным для меня в это время, расскажу еще. Возможно.

Для меня было так.



Юрий МАКАШЁВ

НАСТЯ

На синем — белая голубка,
А под окном — больничный двор.
Как долго движется по трубке
Из пропилена натрийхлор.

Чего-то капельки заждались.
Им словно видится с утра
У неисправного рояля —
Тень...
На коленях медсестра
Бормочет: «Клавиша залипла...» —
И тянет к струнам камертон.

А наяву — шприцы да иглы
На проспиртованный тампон.
Антибиотики по квоте,
В зефирный цвет комбинезон.
Бегут тихонько струйки пота
Со лба, усталости вдогон.

Незанимательные игры,
Где априори ставок — нет,
И поменять на минус в титре
Свой пригласительный билет —
Уже невиданное счастье...

В серьгах — чуть дымчатый нефрит.
Обыкновенной с виду Насте
В апреле будет двадцать три.
Казалось, возраст беззаботный,
Какие вроде ей дела
До тех, которые по чётным*
Меняют души на тела...

Обыкновенная? Едва ли...
Не перелистывая страх,
Чтоб «утолить моя печали»,
Встаёт ночная медсестра
Перед кроватью на колени,
Врачует вену до струны...

А мне... так хочется пельменей,
И чтобы не было войны.

* Дежурства по четным числам.



Вера МЕДВЕДЕНКО

24 октября

Я дала себе слово, что больше не скажу в инстаграм ничего трагичного. Слишком много этого трагичного, пугающего вокруг. Страх поселился как продолжение мысли о незащищенности. Своей, родных, друзей. Просто о незащищенности.

Две недели в больнице. За эти две недели мы научились различать их по росту, голосу, умению ставить уколы в вену. В основном на нашем этаже были молодые ребята. Среди них сразу чувствовался опытный и взрослый врач или медсестра. Но большей частью это молодые люди, закутанные в свои защитные костюмы, тройную защиту перчаток, неудобные очки. Алена, Ванечка, Серёжа, Рита, Татьяна, наши буфетные (разносили обеды), Лидочка, Ира... Не все имена знаю. Наш Михал Палыч. Молодой врач, который в своем костюме напоминал белого медведя. Когда у нас было что-то не так (скаканула температура, усилился кашель, необходимость кислорода), он смешно поднимал руки к голове и так качал головой. Было немножко смешно. И трогательно. Ни разу они не повысили голос, не закричали. Они жалели нас. Они нас. А мы их.

Медсестра Риточка, ставя мне систему и видя, как вчера мне задули вены, нежно погладила по руке, ноготкам.

- А ноготки у вас отросли.
- Ну да.
- Жалко. А тут отломился немного.

И гладит по руке нежно и трогательно. То ли меня жалея, то ли себя, что пока ее ноготки упакованы в тройную защиту.

Пытаясь понять, как они работают, что они думают, как и где находят силы, я вслушивалась в их разговоры

между собой или с нами. Их было не так много. Урывками.

«Сегодня утром едва хватило масок. Обещали подвезти».

Вечером, ставя укол:

- Пить хочу.
- А нельзя?
- Нет. Еще три часа нельзя.

Следующий персонаж — Татьяна. Узнав, что я педагог по актерскому мастерству:

— А я хотела ведь актрисой стать. Чтоб страсти там всякие на сцене играть. Сейчас их хватает. Ой, я даже стихи сочиняю. Девчонки говорят: «Записывай».

— А вы записывайте.

Замолчала.

— Ну, наверное, начну.

Они не герои. Но они герои. Просто мы привыкли, что герой должен совершить что-то экстраординарное. Они делают каждодневную работу. Лечат.

Они, упакованные в свои костюмы, не пьют, не едят, не посещают туалетную комнату по 6-8 часов. Они делают всё, что могут, даже больше. И печалются, когда кто-то «уходит». Спасибо вам!

Хотела написать больше. Лучше. И так много думала об этом. О милосердии, о любви, о нахлынувшей нежности, когда ты ощущаешь вдруг, что человек, знакомый или родной, далекий или близкий, но часть твоей жизни, может уйти или уходит.

Хотелось сказать больше о наших медиках.

Спасибо им за «просто работу». Они не прочтут. Им некогда.

А нам надо не потерять этого ощущения нежности друг к другу.



Елена БЕЗРУКОВА

Гул сопротивления материала.
Я тебя ничем не проверяла —
Хватит ли тебя на эту жизнь?
Сколько там природного заряда?
Хватит ли на это звукоряда?
В чём твоя порода, покажись?

Где наклонит ветку, где надломит?
Где удержат слабые ладони
Катастрофу, порчу ли, беду?
Где оно, коленце перехода
Льда непрочного — в тугую воду?
...Дай мне руку, я тебя веду.

Открывая призрачные двери,
Ты меня веди, пока я верю.
Здесь, на крыше, страшно и смешно.
И плывут угрюмо и горбатом
Над землёй законы сопромата.
Что запрещено — то разрешено.

Нити светонакаливания.
Сонный Бог изнутри...
Поезда покаяния,
Фонари, фонари...

Ночь высокая, целая,
Даже целая мгла.
Я так много не сделала
Для тебя, а могла...

Мы так много растратили
Слов, и жизнью, и бед.
Я, как будто сестра тебе,
А как будто и нет...

Как учиться прощению
И не жить правотой,
Раз имеет значение
Только свет пролитой?

Только вещая вкрадчивость.
Только боль про тебя.
Только взгляд — оборачиваясь.
Только жест — уходя...

В непонятном,
совсем заблудившемся мире,
наугад, как слепец
в незнакомой квартире,
за ладонью на выход шурша...
А куда торопиться
со скоростью взгляда?
Если медленно падает
яблоко сада —
замереть и стоять посреди листопада:
слушать, как опадает душа.

Как по воздуху язва идёт моровая —
Голодна и щедрa, как тоска мировая.
А чего ей стесняться, ответь? —
Если мы не стыдимся хозяйского шага
По Земле, для которой
мы — листья и влага.
Так бери эту чёрную ветвь,

Эту чёрную весть. Как она недвижима...
Может быть, в ней ещё
не иссохла пружина,
что раскачивала голоса?
В заповедном саду
ты зовёшь издалёка —
и я снова иду в оперении лёгком,
по пути закрывая глаза...

...А то, что имеет значение для нас,
другим не понятно.
Другим непонятно, а бабочка жжёт
себя на лету.
Неси свою речь, взбивая её
конфеткою мятной,
чтоб шёл холодок
дымком вертикальным во рту.

А то, что имеет короткую жизнь
и звонкую скорость,
тогда веселило, сегодня своей теснотой —
резиночкой жмёт.
Теперь — я останусь.
Теперь — я поймала твою невесомость,
В которой никто не торопит
И бабочка ждёт.

Затворяются окна, октябрь на зубах скрипит.
В изнуряющем беге безумная бьётся цель.
И в неприбранной тьме, обжигающей, будто спирт,
Опадают мечты. — А спасибо скажи, что цел!

Нет, пощады не будет, и пулю не пронесёт.
Ты пытаешься вере последней не дать пропасть.
...Ну а всё-таки, знаешь? — Любовь,
несмотря на всё...
Остальное — всего лишь её небольшая часть.

2019

Как долго мы бодем, точно снег
Летит вовнутрь, не замечая кожи.
И на углях пугливой нашей дрожжи
Он тает в нас и каплет из-под век.

И мы зовём, разинув в небо рты,
Кого-то, чтобы жить бесповоротней.
И в нас ещё так много пустоты.
И снег в неё летит, как в подворотню.

Невероятно интересное время... Ужас какое непро-
стое! И как ярко, красиво, горячо проступают в нем че-
ловеческие характеры, судьбы, поступки.

И вся эта тревога и любовь, и смех сквозь слезы,
и чувство особой человеческой близости — когда словно
стоишь на краю обрыва и держишь человека за руку —
и эта рука, это касание, это «не бойся, я с тобой!» ока-
зывается больше в разы, чем эта самая бездна в метре
от тебя, Которая, собственно, всегда там и была. И оста-
ется. И будет.

А будем ли мы? И мы будем.

Ты, другой человек, другой космос, неправильный
и непонятный, сильный и слабый, вечный и мимо-
летный, живи, дыши, улыбайся и... не отпускай мою
руку. ❀